

Кобозева Зоя Михайловна

докторант кафедры российской истории
Самарского государственного университета**РЕЗУЛЬТАТЫ
ДЕРЖАВНОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ
ГОРОДСКИХ СТРУКТУР****Резюме:**

Период 50–60 гг. XIX в. остается наименее изученным в отношении мещанского сословия. Именно тогда в центре Российской империи уже был введен проект нового управления с участием мещанского сословия (1846 – Санкт-Петербург, 1862 – Москва, 1863 – Одесса), в провинциальных же частях России о грядущих изменениях знали, но продолжали жить согласно старой структуре. Городское дворянство не проявляло заинтересованности в делах местного самоуправления, поэтому на практике городское управление осуществлялось сформировавшимся обществом городского сословия, которое состояло из мещан и купцов, объединившихся против чиновников и дворян. Подобный состав был одобрен непосредственно городскими жителями. Несмотря на обременительность общественных обязанностей по управлению, которые отрывали от основной деятельности, направленной на материальное обеспечение семьи, мещанам удавалось относиться к нуждам города как к своим собственным с позиций трудовой этики и психологии «хозяина». Во многом именно благодаря активному включению мещанского сословия в общественную жизнь города рассматриваемый период ознаменовался сменой культурных запросов мещанства и купечества, уменьшением культурного разрыва между элитной и низовой культурами.

Ключевые слова:

мещанское сословие, городское самоуправление, провинция, социальное взаимодействие, власть.

Kobozeva Zoya Mikhaylovna

Doctoral student, Russian History Subdepartment,
Samara State University**THE RESULTS OF
THE SOVEREIGN SYSTEMATIZATION
OF MUNICIPAL STRUCTURES****Summary:**

The bourgeois class of the 1850–1860-s remains poorly explored. Just then in the center of the Russian Empire a project of new management involving bourgeois class was introduced (1846 – St. Petersburg, 1862 – Moscow, 1863 – Odessa), however provincial regions of Russia knew about the upcoming changes, but continued to live according to the old structure. The urban nobility showed no interest in the affairs of local government, so in practice, the municipal management was carried out by the established community of urban class that included petty bourgeois and merchants who banded together against officials and nobles. Such a structure was approved directly by urban residents. Despite the heavy burden of public management responsibilities, which interrupted the main activity focused on financial support of the family, the petty bourgeoisie managed to consider the needs of the city as their own from the perspective of work ethics and psychology of owner. It was the active involvement of the bourgeois class in the social life that influenced the change of cultural needs of the middle class and merchant class, the decrease of the cultural gap between elite and grassroots cultures, peculiar to the period under consideration.

Keywords:

petty bourgeoisie, municipal self-government, province, social interaction, power.

Несмотря на то что свои рассуждения о паноптических процедурах власти М. Фуко начинает с образа города, которому угрожает эпидемия чумы [1, с. 285], этот образ близок тому русскому городу и его социальным обитателям, упорядочить которых собралась российская власть в XVIII в. путем создания регулярной модели государства: «Каждый индивид находится на своем месте, надежно заперт в камере, откуда его видит надзиратель; но внутренние стены мешают обитателю камеры установить контакт с соседями» [2, с. 293], «отсюда – основная цель паноптикона: привести заключенного в состояние сознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти» [3, с. 294].

Таким жестом власти, организующим пространство дискурса, «мельчайшим и повсюду производимым жестом разметки видимого пространства для обеспечения доступа к наблюдению над теми, кто его занимает», становится законодательное оформление мещанства в качестве городского сословия на протяжении конца XVIII – первой половины XIX вв. и обозначение властью его места в городском обществе, равно как и утверждение концепции русского города как такового в генезисе российской государственности. Такой важный этап в жизни городских сословий был обусловлен самим языком Просвещения, стремящимся разъяснить логическое функционирование власти.

Параллельно в социальном мире города происходили процессы, которые шли по пути от сконструированной структуры к реальности, в которой есть место тому, что М. де Серто определяет как «остаток», как ту часть человеческого опыта, «которая не была приручена» [4, с. 145]. И тогда «под дискурсами, идеологизирующими город, множатся уловки и комбинации сил без

отчетливой идентичности, без четко определенных позиций, лишенных рациональной прозрачности, – тех, кем невозможно управлять» [5, с. 191]. Применительно к мещанскому сословию, сословие-«понятие», каким оно было задумано изначально, за счет продолжавшихся непрерывно на протяжении XIX – начала XX вв. законодательных инициатив «сверху» и творчества населения «снизу», претерпело изменения и создало свое собственное сословное пространство, которое можно уподобить лингвистической системе, распределяющей места в той мере, в которой она артикулирована «фокализацией высказывания», актом ее реализации, и в которой пространство возникает «как место осуществляемой практики» [6, с. 236].

Период 50–60-х гг. XIX в. в отношении мещанского сословия оказывается наименее изученным историографией. Те исследования истории сословия или городского самоуправления, которые очерчивают свои хронологические границы дореформенным периодом, как правило, основной акцент делают на конце XVIII – начале XIX вв., те же, которые занимаются пореформенным развитием – начинают с Городового положения 1870 г. Да и сама система городского самоуправления в 50–60-е гг. оказывалась «ровесницей» изменений в центре империи, связанных с введением нового мещанского управления в 1846 г. в Петербурге, в 1862 г. – в Москве и в 1863 г. – в Одессе. По всей России это новое мещанское управление стало вводиться после выхода Городового положения 1870 г., благодаря которому мещанские общества получили право своими приговорами учреждать мещанские управы для заведывания делами обществ [7, с. 469–470]. Таким образом, получилось, что в период 50–60-х гг. XIX в. власть в столицах и в Одессе реализовывала новый проект социальной организации мещанства, а в провинциальных городах еще действовала старая структура, которая тем не менее уже знала о грядущих изменениях.

В городах Саратовской, Самарской и Симбирской губерний в 50–60-е гг. XIX в. дворянство еще не проявило своей заинтересованности делами местного самоуправления. Любой заключительный этап какого-либо периода в истории, как правило, демонстрирует, с одной стороны, уже в определенной степени сформировавшуюся модель развития, с другой стороны, подобно морской раковине, модель «снизу» обрастает таким количеством адаптаций, «творчеств», приспособлений, порожденных повседневными практиками, что становится достаточно проблематичным рассмотреть во всех этих городских интеракциях изначальный замысел власти. Для обозначения таких «наростов» нам видится целесообразным использовать метафору «седиментарного (осадочного) общества», предложенную А. Рибером [8].

О таком же «осадке» в отношении претворения в жизнь Жалованной грамоты городам рассуждает и В.А. Нардова, отмечая, что «некоторые ее положения были фактически сведены на нет последующими законодательными актами, но при этом формально так и оставались неотменными, иные были перечеркнуты самой жизнью. Всё законодательство в целом, весьма запутанное и неопределенное, давно перестало соответствовать уровню социально-экономического развития городов и их значению в жизни страны...» [9, с. 11]. Б.Н. Миронов также отмечает, что при проведении реформы 1775–1785 гг. произошли существенные отклонения от замысла, с которыми правительство было вынуждено смириться и признать их: «...эти отклонения – убедительное доказательство того, что не только государство творило социальную историю страны, но и само население творило ее» [10, с. 495].

Таким образом, в рассматриваемый период 50–60-х гг. XIX в. участие мещан в городском самоуправлении оказалось не столько результатом воли власти, сколько эмоциональной и рациональной реакцией представителей мещанской общины города на законодательную ситуацию и социальное окружение. В результате сложился союз мещан с купцами в делах управления. А.И. Куприянов считает, что данное объединение возникло по следующим причинам: во-первых, «сами граждане предпочли, чтобы в его (самоуправлении – З. К.) деятельности участвовала не только верхушка, но и состоятельные мещане, обладавшие недвижимостью»; во-вторых, «купцы и мещане объединились против вовлечения дворян и чиновников в городские дела» [11, с. 476]. Сюда следовало бы добавить еще одну причину. Во многих городах не находилось в нужном количестве горожан, соответствовавших законодательным требованиям, и среди немногочисленного купечества было много самоотводков. Поэтому приходилось доукомплектовывать самоуправление из тех, кто был в наличии. То есть как могли, так и справлялись с ситуацией. А дворянство в данный период еще не почувствовало всю привлекательность данного вида деятельности.

Таким образом, власть через закон репрезентировала определенную структуру устройства городского организма империи, в котором ключевую роль играло слово «гражданство». Если бы идея власти о «гражданстве» ставила своей целью только лишь «сложение сил в целях построения эффективной машины» [12, с. 239], «тщательно рассчитанное соединение сил» [13, с. 242] или некое «общественное тело», принуждаемое к дисциплине, то не было бы такой дифференциации на «обывателей вообще» и «обывателей в узком смысле слова», и система городского самоуправления не создала бы столько практик внутри городского сообщества, которые можно

охарактеризовать как культуру повседневного политического, которые сыграли определенную роль в формировании мещанской сословной идентичности.

В этой культуре повседневного политического происходило столкновение двух принципов государственной жизни России: регулярности, утверждаемой «сверху», и «иррегулярности» как свойства менталитета русского народа: «вся жизнь регламентирована, подчинена правилам, выстроена с соблюдением геометрических пропорций, сведена к точным однолинейным решениям» [14, с. 22], но эта регулярность постоянно «размывалась живой жизнью, не мирящейся с механическим единообразием» [15, с. 22]. Тем не менее на протяжении XVIII в. «бюрократический принцип, в который вырождались “регулярность”, быстро разрастался, захватывая всё новые области жизни» [16, с. 32], но неизменно наталкивался на иррегулярный характер русского народа, которому явно не хватало строгих правил и разъяснений, и в результате, без нужного количества образованных «поводырей», он плодил самостоятельное творчество «снизу», не стремясь к революции, а исходя исключительно из логики повседневной жизни и попыток ее каким-то образом оставить легитимной, как и приказала власть.

Всё это происходило на фоне замены сословной городской общины «общесословным обществом всего городского населения» [17, с. 495], со своими общесословными городскими органами. Таким образом, в городах в результате реформ 1775–1785 гг. было сформировано общество городского сословия, в котором ведущую роль играли купцы и мещане.

Участие в системе городского самоуправления было предложено горожанам и как «осознанная необходимость» для выполнения мещанским обществом налоговых обязательств, и как возможность участия в общественной и хозяйственной деятельности. Общественные должности, на которые избирались мещане и купцы, не предполагали жалования, отрывали от каждодневного труда, направленного на выживание семьи. То есть, казалось бы, должны были являться еще одним тяглом. Но вопреки сложившейся в историографии точке зрения о том, что до 1860-х гг. государство присваивало себе часть функций местного самоуправления и только в пореформенный период делегировало их местной общественности, именно в дореформенный период мещане и купцы города создали свою модель «городского гражданства» «снизу», относясь к нуждам города как к своим собственным с позиций трудовой этики и психологии «хозяина». Взаимодействие мещан в границах городского самоуправления носило в некоторой степени характер патриархальных связей, в которых главой большой патриархальной «семьи» выступал городской голова, а связующим звеном между «отцом» и «домочадцами» являлся мещанский староста.

Во всех городах Саратовской, Самарской и Симбирской губерний в первой половине XIX в. продолжали действовать с некоторыми изменениями екатерининские муниципальные учреждения [18, с. 23], и к 1861 г. органы городского самоуправления были представлены канцелярией городского головы, городской думой и ратушей, состоящей из бургомистров и ратманов [19, с. 144], а если управление осуществляла дума или канцелярия городского головы, в городе имелся магистрат. При управлении ратушей магистрата не было, как не было и должности городского головы [20, с. 144].

В историографии существует мнение о том, что в Среднем Поволжье «общие думы» в первой половине XIX в. «потеряли всякое значение и, может быть, вообще не существовали» [21, с. 144]. Что касается шестигласной думы, то она «сделалась неузнаваемой по сравнению со своим прототипом», а единого «градского общества» вообще не существовало [22, с. 144], так как дворяне находили унижительным «быть избираемыми вместе с купцами и мещанами» [23, с. 144]. В городах региона в первой половине XIX в., как и в других губерниях страны, «купцы и мещане всё смелее выходили на сцену» [24, с. 474], мещане получали больше власти в самоуправлении, чем это было предначертано законодателем, менялись культурные запросы мещанства и купечества, происходила интериоризация сознания, смена традиционной парадигмы в сфере эмоционального выражения чувств, уменьшался культурный разрыв между элитарной и низовой культурами, формировалась городская идентичность мещан. Во многом все эти изменения были связаны с екатерининской моделью формирования «городского гражданства», участвующего в самоуправлении. По крайней мере, законодательные инициативы Екатерины II волевым образом вовлекли мещан города в тот механизм производства городской картины мира, который, как и многое другое в Российской империи, был инициирован властью.

Ссылки:

1. Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999.
2. Там же.
3. Там же.
4. Серто де М. Изобретение повседневности. Искусство делать. М. ; СПб., 2013.
5. Там же.
6. Там же.

7. Иванова Н.А. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX вв.) М., 2010.
8. Rieber A. The sedimentary society // *Between Tsar and People : Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / eds. E.W. Clowes, S.D. Kassow, J.L. West. 1991.
9. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в.: правительственная политика. Л., 1984.
10. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999.
11. Куприянов А.И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX вв. М., 2007.
12. Фуко М. Указ. соч.
13. Там же.
14. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре : быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.). СПб., 1997.
15. Там же.
16. Там же.
17. Миронов Б.Н. Указ. соч.
18. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.
19. Зорин А.И. Горожане Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале XX в. : ист.-этногр. очерк. Казань, 1992.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. Куприянов А.И. Указ. соч.

References:

1. Foucault, M 1999, *Discipline and Punish*, Moscow.
2. Foucault, M 1999, *Discipline and Punish*, Moscow.
3. Foucault, M 1999, *Discipline and Punish*, Moscow.
4. Certeau, de M 2013, *The invention of everyday life. The art of making*, Moscow, St. Petersburg.
5. Certeau, de M 2013, *The invention of everyday life. The art of making*, Moscow, St. Petersburg.
6. Certeau, de M 2013, *The invention of everyday life. The art of making*, Moscow, St. Petersburg.
7. Ivanova, NA 2010, *Class society of the Russian Empire (XVIII – early XX centuries)*, Moscow.
8. Rieber, A 1991, 'The sedimentary society', in Clowes, EW, Kassow, SD, West, JL (eds.), *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*.
9. Nardova, VA 1984, *Municipal government in Russia in the 60's – early 90's. XIX century: government policy*, Leningrad.
10. Mironov, BN 1999, *Social History of Russian Empire period (XVIII – beginning of XX centuries.): Genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law*, St. Petersburg.
11. Kupriyanov, AI 2007, *Urban Culture Russian province. End of XVIII – first half XIX centuries*, Moscow.
12. Foucault, M 1999, *Discipline and Punish*, Moscow.
13. Foucault, M 1999, *Discipline and Punish*, Moscow.
14. Lotman, YM 1997, *Conversations about Russian culture: the life and traditions of the Russian nobility (XVIII – XIX centuries.)*, St. Petersburg.
15. Lotman, YM 1997, *Conversations about Russian culture: the life and traditions of the Russian nobility (XVIII – XIX centuries.)*, St. Petersburg.
16. Lotman, YM 1997, *Conversations about Russian culture: the life and traditions of the Russian nobility (XVIII – XIX centuries.)*, St. Petersburg.
17. Mironov, BN 1999, *Social History of Russian Empire period (XVIII – beginning of XX centuries.): Genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law*, St. Petersburg.
18. *Sketches of urban life before the revolution of the Volga region*, 2000, Ulyanovsk.
19. Zorin, AI 1992, *Citizens of the Middle Volga in the second half of XVI – early XX century: Historical and ethnographical essay*, Kazan.
20. Zorin, AI 1992, *Citizens of the Middle Volga in the second half of XVI – early XX century: Historical and ethnographical essay*, Kazan.
21. Zorin, AI 1992, *Citizens of the Middle Volga in the second half of XVI – early XX century: Historical and ethnographical essay*, Kazan.
22. Zorin, AI 1992, *Citizens of the Middle Volga in the second half of XVI – early XX century: Historical and ethnographical essay*, Kazan.
23. Zorin, AI 1992, *Citizens of the Middle Volga in the second half of XVI – early XX century: Historical and ethnographical essay*, Kazan.
24. Kupriyanov, AI 2007, *Urban Culture Russian province. End of XVIII – first half XIX centuries*, Moscow.